Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/LYGBVM
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

РАЗГРОМ ЧЕВЕНГУРА[1]

Р. Ходель
Гамбургский университет, Институт славистики, Гамбург, Германия
Дата поступления статьи: 14 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 13 ноября 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-102-123

Аннотация: Уничтожение коммуны Чевенгур «машинальной силой» в конце романа получило в исследованиях платоноведов различные трактовки: согласно одним, коммуна уничтожается еще во время Гражданской войны отрядом «белых», согласно другим — отрядом «красных», согласно третьим — абстрактным противником, образ которого имеет символико-аллегорический характер. На основе анализа образов персонажей, участвующих в этой сцене, и их точек зрения, а также с учетом последних исследований платоноведов мы отдаем предпочтение интерпретации, согласно которой Платонов делает идеологический акцент на ситуации 1927–1929 гг. и в качестве главного врага Чевенгура видит тот большевизм, который одерживает верх именно в эти годы. На основании опыта общения с гамбургскими студентами ставится вопрос о том, какое сообщество в более абстрактном смысле было уничтожено в Чевенгуре.

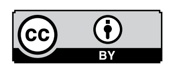
Ключевые слова: Андрей Платонов, «Чевенгур», коммуна, красный террор, РКИ, Достоевский, Кант.

Информация об авторе: Роберт Ходель — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Славистики, Институт славистики, Гамбургский университет, Von Melle Park 6, 20146 Hamburg, Германия.

E-mail: robert.hodel@uni-hamburg.de

Для цитирования: *Ходель Р.* Разгром Чевенгура // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 102–123. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-102-123

1 Выражаю благодарность Марии Осипенко за помощь в написании этой статьи.

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

THE DESTRUCTION OF CHEVENGUR[2]

© 2025. Robert Hodel
University of Hamburg, Institute of Slavic Studies, Hamburg, Germany
Received: October 14, 2024
Approved after reviewing: November 13, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The destruction of the Chevengur commune by a "machine force" at the end of the novel has received various interpretations in the studies of Platonov scholars. According to some, it was destroyed during the Civil war by a unit of the White Army, according to others, by a unit of the Red Army, or by an abstract opponent who was part of a symbolic interpretation of the novel. Based on the analysis of the characters involved in this scene, as well as taking into account last researches, we prefer the interpretation according to which Platonov places ideological emphasis on the situation of 1927–1929 and sees Bolshevism, which gained the upper hand during these years, as the main enemy of Chevengur. Based on experiences with Hamburg students, the article raises the question of which kind of community, in a more abstract sense, was destroyed in Chevengur.
Keywords: Andrei Platonov, Chevengur, communa, red terror, Russian as a foreign, Fyodor Dostoevsky, Immanuel Kant.
Information about the author: Robert Hodel, Professor, Head of the Department of Slavic Studies, University of Hamburg, Von Melle Park 6, 20146 Hamburg, Germany.
E-mail: robert.hodel@uni-hamburg.de
For citation: Hodel, R. "The Destruction of Chevengur." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 102–123. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-102-123 (In Russ.)

2 I would like to thank Maria V. Osipenko for help in writing this article.

Субъективное вступление. В прошлом семестре в рамках семинара в Гамбургском университете я снова отважился прочитать вместе со студентами «Чевенгур» — я говорю «отважился», потому что студенты все меньше понимают как язык Платонова, так и советский язык вообще, а это делает чтение все более трудным. Студенты не знали роман и не читали других произведений Платонова. В конце семинара я спросил их о впечатлении от прочитанного. Они сказали, что были поражены тем, что есть такой автор, которого они не знали, и такое произведение, которое их столь потрясло. Особенное впечатление произвела на них идея возможности существования другого, лучшего мира, в котором люди живут друг для друга и в котором работа выполняет совершенно иную, неожиданную и в то же время столь очевидную функцию, а именно служит удовлетворению потребности жить с другими людьми, нравиться им и помогать им, потому что они тебе нравятся.

Студенты не сказали (но это было видно), что больше всего их поразил тот факт, что этот автор — русский и что они узнали от русского автора идеи о лучшем мире именно сегодня, когда многое выглядит иначе. Это, конечно, утопия, сказали они, но утопия, которая трогает их как альтернатива тому, что сейчас грозит наступить как неизбежность. А вот сатирическую, гротескную и антиутопическую сторону романа они, напротив, вряд ли восприняли как существенный смысловой пласт: она была понятна лишь тем, кто был лучше знаком с языком и историческим контекстом на основе личного опыта.

Это восприятие студентов оказалось созвучно ответу Платонова на высказывание М. Горького о том, почему он не верит, что «Чевенгур» мо-

жет быть напечатан. 18 сентября 1929 г. Горький писал Платонову: «Хотели вы этого или нет, — но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический» [18, с. 266]. На что Платонов ответил: «Может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства “овеществятся” в Советском Союзе и тогда будет хорошо. Этой идее посвящено мое сочинение, и мне тяжело, что его нельзя напечатать» [18, с. 268].

Если Платонов действительно так считал, если он думал, что в ближайшем будущем будет «хорошо», а сейчас «не хорошо», то не следует ли учитывать эту его мысль при интерпретации заключительной части романа, в частности физического уничтожения чевенгурского коммунизма? Иными словами, если Платонов говорит о надежде на грядущие годы и при этом подспудно критикует настоящее, то мог ли он ограничить произведение, которое он писал с лета 1927 по май 1929 г. [17, с. 548], временными рамками революционного периода, «военного коммунизма» и зарождающегося НЭПа? И мог ли он связывать крушение своих утопических идей лишь со временем Гражданской войны и обвинять в нем лишь вражеских «казаков» и «кадетов», которые проиграли Гражданскую войну и предоставили будущее большевикам? Эти вопросы возникают тем более, что М. Осипенко (2021) [6] предлагает новое фактографическое измерение для концовки романа.

Обратимся теперь к этой концовке.

1. Имманентная ситуация текста.
Время действия романа (1921)

Чепурный бежит из степи в город за винтовкой и кричит: «Казаки! Кадеты на лошадях!» [17, с. 337]. Поскольку герой видит врага только издали, он, очевидно, предполагает, что это могут быть «казаки» или «кадеты».

Слово «кадеты» встречается в тексте еще раз, когда Чепурный объясняет, почему он посылает чевенгурскому «буржую» лишнюю пулю в шею («душа же в горле!»: «Ты думаешь, почему кадеты нас за горло вешают?» [17, с. 195]). Имеет ли он в виду в заключительной сцене романа «воспитанников кадетских корпусов» или членов «конституционно-демократической партии России, партии, которую В.И. Ленин считал главным оплотом, выразителем и защитником буржуазии и мещанства» [17, с. 683], неясно. Для Чепурного это, скорее всего, абстрактное обозначение идеологического

противника, который, возможно, ассоциируется у него с кадетскими училищами из-за их строгих порядков.

Слово «казаки», напротив, несколько раз встречается в тексте в связи с событиями в городе Урочев (Новохоперск). Это непосредственный противник на войне: «Город Урочев, пока ехал туда Дванов, был завоеван казаками, но отряд учителя Нехворайко сумел их выжить из города» [17, с. 55].

Считает ли Чепурный сперва, что перед ним его постоянный противник в Гражданской войне, но затем видит совсем другой боевой порядок?

Этот крик Чепурного — единственное место во всей этой сцене, когда враг однозначно отождествляется с «белыми» в прямой речи. Кроме еще одного случая употребления прямой речи в конце сцены битвы, все остальные определения этих конных войск даны в речи повествователя, которая, однако, порой приближается к несобственно-прямой речи, так как часто передает восприятие протагониста. Враг, имеющий «команду и строй» и возглавляемый «командиром отряда», дважды получает в речи повествователя определение «машинальный» («машинальная сила», «машинальный враг»), а затем определяется как: «кавалерист(ы)» (12х), «враг(и)» (9х), «солдат(ы)» (8х), «отряд» (6х), «противник» (5х), «всадник(и)» (3х), «воин» (2х), «банда» (1х), «буржуазия» (1х), «человек» (1х), «нападавший» (1х) [17, с. 337–340].

Слово «буржуазия», которое обозначает идеологического противника, также возникает в связи с речью персонажа — Пашинцева: «Машинальный враг гремел копытами по целине, он загораживал от прочих открытую степь — дорогу в будущие страны света, в исход из Чевенгура. Пашинцев закричал, чтобы буржуазия сдавалась, и сделал в пустой бомбе перевод на зажигание» [17, с. 338].

До того, как Пашинцев приходит в Чевенгур, он защищает революцию в своем «Революционном заповеднике» «имени всемирного коммунизма» «в нетронутой геройской категории» [17, с. 123]. Он полностью отвергает иерархию. Когда Копенкин пытается выманить его из дома с помощью «пакета от товарища Троцкого», он отвечает ему: «Да какой он мне товарищ, раз надо всеми командует! Мне коменданты революции не товарищи» [17, с. 121].

Революция оказалась, по его мнению, недолгой: «Я вынес себе резолюцию, что в девятнадцатом году у нас все кончилось — пошли армия,

власти и порядки, а народу — опять становись в строй, начинай с понедельника... <...> Всему конец: закон пошел, разница между людьми явилась» [17, с. 122–123].

Как известно, это место содержит отсылку к статье «Душа человека — неприличное животное», опубликованной 4 июля 1921 г. и отразившей конфликт Платонова с воронежскими большевиками по поводу голода в Поволжье: «Люди в полном облачении, т. е. в галифе, нагане, коже и т. д., устанавливают порядок, чтобы было приличное лицо у революции. <...> Революция сменилась “порядком” и парадом». Этим «мертвым душам в советской бричке» автор статьи грозит: «А ведь доедут — придет время. Доедут до рабочего ада, и им там воткнут железный шток сквозь пупок» [16, с. 169].

Т. Лангерак, ссылаясь на записанный Н. Задонским разговор Платонова с М. Бахметьевым в редакции «Воронежской коммуны» о мерах борьбы с голодом, предполагает, что эта статья стала одной из причин исключения Платонова «из кандидатов РКП(б)» 30 октября 1921 г.: «— Нисколько! — горячо отозвался Андрей. — Надо показать миру, как борются коммунисты с голодом и преодолевают разруху, а не копировать буржуазию» [5, с. 26].

Таким образом, 20-летний Платонов считает Россию образцом для мирового коммунизма, и в этом он близок Пашинцеву, который убежден, что машинный враг отгораживает «прочих» от «дороги в будущие страны света» [17, с. 338]. По сравнению с выражением «в страны света» в раннем варианте текста [13, с. 498] выражение «будущие страны света» еще яснее подчеркивает интернационалистскую направленность отрывка. Показателен и комментарий Дванова из ранней версии. Дванов понимает, что первоначальная восторженная вера во «всемирную дружную жизнь» превратилась в ходе Гражданской войны в «беспощадную войну военной силы» и потому понимает Пашинцева: «Но Пашинцев — не шлак революции: что-то непрерывно горит в нем, но горит мучительно, отдельно от общего костра» [13, с. 520–521]. И только в коммуне Чевенгура, которая образуется после приезда Дванова, Пашинцев снова загорается общим огнем.

Как показывают комментарии Н. Корниенко и Е. Папковой к роману [17], в «Чевенгуре» есть и другие намеки на смену парадигмы от ленинского интернационализма к сталинскому социализму в одной отдельно взятой стране. Так происходит, например, в эпизоде, где пешеход Луй требует рев-

ком «стронуть Чевенгур в даль», чтобы не дать человеку «опять угнетением слабосильного» заняться. Затем Прокофий «переформулирует» мысли Луя, которые одобряет и Чепурный, таким образом, что они меняются местами: «…пока же коммунизм следует ограничивать завоеванной у буржуазии площадью, чтоб нам было чем управлять» [17, с. 182].

Согласно примечанию Е. Папковой к этому отрывку, «речь идет о теории построения социализма в одной стране» — теории, которую Сталин начал развивать в 1924 г. в статье «Об основах ленинизма» [17, с. 681].

Комментатор также связывает гневного «одинокого комсомольца, работавшего истопником в железнодорожном депо» [17, с. 199], с идеями Сталина: «С конца 1925 г. в СССР утверждается программа построения социализма в одной стране, и в связи со “стабилизацией капитализма” откладывается мировая революция. Закономерно, что часть молодого поколения, выросшего на этой идее и романтизировавшего ее, испытала чувство растерянности и разочарования» [17, с. 684].

Вспомним также, что Литвин-Молотов уже писал по поводу «Строителей страны» осенью 1927 г.: «Впечатление таково, что будто автор задался целью… показать несостоятельность идей возможности построения социализма в одной стране» [13, с. 638].

Но вернемся к тексту. Когда отряд в первый раз останавливается перед чевенгурцами, в тексте говорится об этом так: «И неизвестные Чевенгуру солдаты подняли по неслышной команде винтовки в упор приближающихся прочих и большевиков» [17, с. 337–338].

Это означает, что, когда чевенгурцы впервые видят своего врага на небольшом расстоянии, они не могут его опознать. Эта неопределенность выражается и в синтагме «чужой воин», которая используется с точки зрения принимающего бой Копенкина. Он тоже, очевидно, не может узнать в этой «банде» ничего, что ему знакомо: «Копенкин уже достиг отряда и вскинул Пролетарскую Силу передом, чтобы губить банду саблей и тяжестью коня. <…> Сабля с дребезгом опустилась в седло чужого воина и с отжогом отозвалась в руке Копенкина» [17, с. 338]. И далее: «Копенкин вырвался из окружения чужих» [17, с. 338]. Это чувство отчуждения усиливается в его прямой речи — словах, с которыми он обращается к смертельно раненному Дванову: «В городе чужое войско, а люди все кончились» [17, с. 340]. Здесь контраст между «машинальным врагом» и «людьми» становится особенно очевидным.

Отметим, что Платонов, который не был намерен писать этот текст «в стол», при всей своей дерзости, не мог позволить себе назвать красноармейцев прямо.

Л. Коробков, решительно отвергающий отождествление «военного отряда» с «подразделением Красной Армии», выдвигает следующий аргумент: «Слово “солдат” после создания регулярной РККА либо употреблялось в контексте прошедшего времени... либо без пояснений относилось к белогвардейцам» (цит. по: [10, с. 330]).

Этот аргумент опровергается тем фактом, что слово «солдат» все же используется в романе в описании ситуации после февраля 1918 г. для обозначения большевиков. Так, например, машинист говорит комиссару: «У меня помощник один — не управится, дайте солдата для топки!» [17, с. 58]. А Дванов на вопрос Сони «А где же остальные члены войска товарища Копенкина?» отвечает: «Их Копенкин отпустил к женам на двое суток, он считает, что военные поражения происходят от потери солдатами жен» [17, с. 84]. В версии «Строители страны» есть даже такая формулировка: «Он [Шумилин] говорил, что большевики-солдаты оказались мудрее ученых белых генералов» [17, с. 403].

Коробков, впрочем, приводит другой аргумент, связанный с участием в бою Сербинова: «Поэтому-то даже у Сербинова при слове “солдат” не возникает мысли о красноармейцах, быть может, присланных из губцентра по его письму, он стреляет в них наравне со всеми» (цит. по: [10, с. 330]). Коробков также рассматривает возможность того, что красноармейцы могли появиться в Чевенгуре после письма Сербинова губкому, в котором Сербинов пишет, что Чевенгур «захвачен неизвестной малой народностью или прохожими бродягами» [17, с. 320]. Но, поскольку Сербинов сражается на стороне Чевенгура, его противники, по мнению Коробкова, не могут быть красноармейцами.

Против этого есть два аргумента. Во-первых, в Чевенгуре Сербинов превращается из «разлагающегося» человека с «циническим умом» [17, с. 296] в человека, который понимает, что чевенгурская коммуна может стать для него «своей». Карчук, который сначала не хочет отправлять письмо Сербинова, потому что не испытывает к нему симпатии, вскоре начинает «думать» о нем, как Чепурный о Прокофии («я буду думать о тебе один» [17, с. 321]), и, «почувствовав» его, отправляется с этим письмом в путь.

Сербинов поселяется в городе: «У Сербинова уже не болел живот, он забывал, что Чевенгур есть чужое место его недельной командировки, — его тело привыкло к запаху этого города и разреженному воздуху степи» [17, с. 331]. Глядя на скульптуру Прокофия, сделанную скучающим по нему Чепурным, Сербинов говорит Дванову: «— Его бы надо сделать из камня, а не глины, <…> иначе он растает от времени и погоды. Это ведь не искусство, это конец всемирной дореволюционной халтуре труда и искусства; в первый раз вижу вещь без лжи и эксплуатации» [17, с. 332]. Наконец, Сербинов вместе с Гопнером и Двановым делает «деревянный диск для метания камня и кирпича в противника Чевенгура» [17, с. 332]. Поэтому весьма вероятно, что Сербинов будет сражаться на стороне Чевенгура даже против красногвардейцев.

Во-вторых, Сербинов впервые упоминается в сражении, когда он следует за Яковом Титычем и, возможно, еще не знает, как поступить: «Сербинов бежал сзади Якова Титыча с дамским браунингом и искал, в кого стрелять» [17, с. 337]. Когда Сербинов возникает в этой сцене снова, он уже расстрелял все патроны, кроме одного (последний патрон он оставляет себе). В этот момент к нему подходит кавалерист, только что убивший Якова Титыча: «— Я ему говорил, что убью, и зарубил, — обратился к Сербинову кавалерист, вытирая саблю о шерсть коня. — Пускай лучше огнем не дерется! / Кавалерист не спешил воевать — он искал глазами, кого бы еще убить и кто был виноват. Сербинов поднял на него револьвер. — Ты чего? — не поверил солдат. — Я ж тебя не трогаю! / Сербинов подумал, что солдат говорит верно, и спрятал револьвер» [17, с. 339].

Солдат, который говорит с Сербиновым, ищет, кого бы еще убить, а значит, не видит в Сербинове союзника «чевенгурцев». Впрочем, кавалерист, по-видимому, до конца не верит Сербинову и считает необходимым оправдать свои действия: «— Сам лез стрелять... Если б ты первый не спешил, то и сейчас остался бы», — рассуждает он, убив Сербинова [17, с. 339].

2. Имманентный текст.
Время написания романа (1927–1929)

Н. Корниенко относит написание романа к лету 1927 – маю 1929 г. [17, с. 548].

Заключительная сцена, таким образом, была написана вероятно осенью–зимой 1928 г. По мнению Корниенко, в тексте рукописи «Строи-

телей страны» только первая, новохоперская глава может быть связана с более ранним, неизвестным произведением [13, с. 649]. Корниенко описывает исторический контекст 1927–1929 гг. следующим образом: «Платонов начинает писать роман в разгар борьбы с "левым" крылом оппозиции; над собственно чевенгурской частью работает в период оформления (в начале 1928 г.) "правой опасности" в партии и борьбы с ней, а завершает общее формирование текста романа весной 1929 г. — в преддверии публичного провозглашения идеологии "года великого перелома"» [13, с. 646].

Помимо уже упомянутых аллюзий на вторую половину 1920-х гг., комментаторы называют, в частности, выражение «прочий» [17, с. 115, 645], гармонику, на которой играют в «яблочко» [17, с. 321, 704], читающий пролетариат [17, с. 224, 687] и «ревзаповедник» Пашинцева, который напоминает о проектах празднования 10-летия революции. Из этого они делают вывод: «Подобные тематические и текстуальные переклички мы находим практически со всеми текстами, созданными в период работы Платонова над романом» [17, с. 566].

Подобная «перекличка» очевидно есть и в заключительной сцене романа. Как обратили внимание исследователи, осенью 1927 г. Платонов изобразил Народный комитет Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) в рассказе «Административное естествознание» и в либретто для фильма о бюрократизме «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)» [6, с. 289–292]. В рассказе «Усомнившийся Макар» Лев Чумовой работает в этой организации 44 года. В пьесе «Дураки на периферии» сатирический тон по отношению к этому учреждению становится еще острее. Это произведение было написано Платоновым уже после эпизода смерти ребенка в Чевенгуре, а также после создания образа инспектора Сербинова. Весной 1928 г. Н. Бухарин призывает комсомольцев поддержать РКИ и сформировать по образцу «боевых отрядов» 1919–1920 гг. отряды «легких кавалерий»: «Почему, например, не создать группы комсомольцев по борьбе с бюрократизмом, своего рода "легкую кавалерию" в помощь РКИ. Эта "легкая кавалерия" могла бы производить контроль налетом, наскоком, не как ревизор, а как "обыкновенный смертный", сталкивающий непосредственно с жизнью» (цит. по: [6, с. 292–293]). Как подчеркивает далее М. Осипенко: «С июня 1928 г. отряды "легких кавалерий" приступили к выполнению "боевых" заданий РКИ. "В бой!", "В атаку!" — начались "налеты"

на предприятия и учреждения. <...> Размах этой работы хорошо прослеживается по печати... в “Рабочей газете”: “‘Легкая кавалерия’ наступает” (20 июня)... в “Комсомольской правде”... “Кавалерийским строем по шахтам Донбасса” (17 июня)... и т. д. <...> К этому времени государственное контрольное ведомство уже устойчиво связывалась с организационным воздействием, с подавлением “стихийности”, с рационализаторским подходом и силовыми методами, ассоциировалась с проверками и “налетами”, всегда имевшими последствия» [6, с. 293–295].

Если интерпретировать заключительную сцену как связанную со временем написания романа, то эту сцену можно понять как знак того, что в этом романе Платонов хоронит свои представления о коммунистическом обществе. Лишь в конце остается маленький проблеск надежды. После того как коммуну уничтожили, появляется Захар Павлович — он ищет своего пасынка Сашу Дванова и встречает в Чевенгуре Прокофия, который плачет «среди всего доставшегося ему имущества»; Захар Павлович, как и прежде, обещает ему рубль, если тот найдет ему Сашу, и Прокофий впервые отвечает ему: «— Даром приведу» [17, с. 342]. Таким образом, если идея чевенгурской коммуны может увлечь даже меркантильного, продажного Прокофия, то, возможно, есть надежда, что она сохранится и в нем.

Поскольку Платонов пишет эту заключительную сцену осенью–зимой 1928 г., можно предположить, что он еще не представлял ее такой летом 1927 г., в начале работы над романом, который должен был быть выдержан в более оптимистическом духе. И если это так, то фатальный финал романа явился результатом изменений, которые Платонов пережил в 1927–1928 гг.

В пользу такого толкования говорят и другие произведения Платонова, которые к концу 1920-х гг. приобретают все более безжалостные, сатирические черты: начиная со сравнительно безобидной повести «Город Градов» (1927), рассказа «Административное естествознание» (1927) и либретто «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)» (1927) и заканчивая пьесой «Дураки на периферии» (1928), рассказом «Усомнившийся Макар» (1928–1929) и повестью «Котлован» (1930), в котором носительница надежд Настя оказывается погребенной в котловане строителями здания мирового пролетариата. Критика, которой Платонов подвергся после выхода рассказа «Усомнившийся Макар» и повести «Впрок», видимо, имела основания.

3. Соотношение времени действия и времени написания романа

Интерпретация роковой развязки как следствия результата торжества того большевизма, который одержал верх в конце 1920-х гг., на первый взгляд вступает в противоречие с тем фактом, что непосредственное действие сцены этой развязки происходит в конце Гражданской войны. Противоречит такая интерпретация на первый взгляд и тезису статьи «Душа человека — неприличное животное» (1921) о том, что на смену революции уже в ленинское время пришел новый порядок и новая, красная «буржуазия». В качестве аргумента за то, что отряд Красной армии уничтожает коммуну Чевенгура именно в ходе Гражданской войны, Геллер утверждает: «Заключительный эпизод романа — Армагеддон, последний решительный бой между “машинальной силой” и чевенгурской “стихией”, баталия между двумя утопиями — это описание гибели “чудаков”, раздавленных государственной властью. Армия — нет сомнения, что это отряд Красной армии...» [3, с. 189].

В. Верин [1] разделяет это мнение: «Такой финал лишь подтверждает платоновскую социально-историческую концепцию: чевенгурский коммунизм есть изначально антисоциалистическое и антинародное образование» (цит. по: [10, с. 329]).

Е. Яблоков отмечает по этому поводу: «Подобные выводы не лишены оснований, если учесть, что именно регулярная армия вела в 1921 г. борьбу с крестьянским восстанием на Тамбовщине» [10, с. 329–330]. «В 1920–21 годах гражданская война становится крестьянской войной; в 1921 г. центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом восстаний; для борьбы с восстанием под предводительством Антонова в Тамбовской губернии была брошена армия под командованием М. Тухачевского, насчитывавшая 35 тыс. штыков, 10 тыс. сабель, несколько сотен пулеметов...» [10, с. 277].

Подобно тому, как сюжет романа, разворачивающийся в 1919–1921 гг., содержит в себе аллюзии на события 1927–1929 гг., развязка романа, непосредственное действие которой происходит в 1921 г., необязательно должна быть посвящена только времени Гражданской войны. Реальное (а не символически-аллегорическое) слияние обоих временных уровней можно представить таким образом[3]: после того как Платонов впервые по-

3 Как показала работа текстологов, довольно часто Платонов, начиная писать произведение в быстро меняющемся историческом контексте, по ходу работы приспосабливает содер-

чувствовал, что революция оказалась под угрозой военного коммунизма, он все же испытывал надежду на то, что его представление о коммунистическом обществе может быть реализовано после победы над «белыми».

Эта надежда окончательно умирает в конце 1928 г. Послереволюционный большевизм кажется теперь Платонову преддверием того, что произошло в конце 1920-х гг.

Тем не менее предположение, которое исходит из соотношения (первичного) времени действия и времени написания конца романа и согласно которому коммуну разрушают «белые», также возможно (хотя и менее вероятно). Можно предположить, что после того, как «белые» разрушили первые зачатки истинного коммунистического общества (1921), новая попытка построить это общество была теперь (1928 г.) уничтожена самими «красными».

И еще кое-что стоит учитывать: если идеологический акцент ставится на первые послереволюционные годы, а «казаков» и «кадетов» следует понимать буквально, то это означает, что Платонов сожалеет о событии, которое произошло почти десятилетие назад и за которое ответственна сторона, потерпевшая тогда поражение. В этом случае надо полагать, что Платонов пишет исторический роман, в котором не касается настоящего. Последнее не противоречит и тому варианту трактовки, в котором предполагается, что коммуну уничтожает отряд Красной армии (1921). Однако все это кажется маловероятным. Платонов в своих произведениях почти всегда обращается к настоящему. Ведь, как известно, повесть «Епифанские шлюзы» — по крайней мере с идеологической точки зрения — не столько о политике Петра I, сколько о большевистском централизме, а пессимистическая повесть «Котлован» отражает весьма актуальные политические события. В конечном счете автор как будто не может писать по-настоящему сатирически, он остается верен своей идее интимного сосуществования между людьми даже тогда, когда, как в «Котловане», он сталкивается с абсолютно враждебной ему средой. Эта идея оказывается похороненной в «котловане», но похороненной не навсегда — она замурована, чтобы снова ожить в далеком, неиз-

жание к новым обстоятельствам. Если первоначальный замысел романа, названного в конце «Чевенгуром», был связан со временем военного коммунизма, то можно предположить, что этот первоначальный замысел остается в повествовании, так сказать, в виде палимпсеста, не попадая в идеологический фокус.

вестном будущем. И даже после Второй мировой войны, после того как сын Платонова стал жертвой сталинского террора, у писателя вновь появилась надежда, что военный опыт сможет побудить людей вернуться к этой идее. Несмотря на то что Платонов к концу 1920-х гг. переживает крайне тяжелый период, его надежда на иное общество остается движущей силой его творчества.

4. Более абстрактное прочтение

Как показывает реакция гамбургских студентов, чем дальше произведение уходит от исторического контекста, в котором оно было написано, тем больше вероятность прочтения его на символически-аллегорическом уровне. Особенно это актуально в случае Платонова, символистское наследие которого неоднократно становилось предметом анализа (см., например: [2]). Е. Яблоков, цитируя М. Дмитровскую, пишет: «Армия, штурмующая Чевенгур, лишена конкретно-индивидуализирующих признаков, что позволяет видеть в ней воплощение некоей глобальной силы, противостоящей человеку в принципе: смерти, энтропии, косности, тоталитаризма, войны и т. п.» [10, с. 330].

Подобное прочтение предлагает и Р. Чандлер [9, с. 181], который, опираясь на работы Н. Корниенко, считает смерть Дванова «открытым финалом», допускающим совершенно разные интерпретации, будь то «глубокая депрессия» или «таинственное крещение»: «...смерть Дванова является, может быть, одним из самых достоверных объяснений Платоновым (на рубеже 1927–1928 гг.) своей дороги в литературу и обоснованием миссии художника» [4, с. 119].

По словам Корниенко, Платонов после уничтожения Чевенгура оставляет свои (публичные) политические надежды на будущее и переходит к (частному) писательству. Эта интерпретация, которая уже отражена в финале «Епифанских шлюзов», совместима и с версией катастрофического развития сталинского большевизма.

С. Семенова также ищет связь между историческим и символическим уровнями: «И заключительная сеча чевенгурцев с каким-то непонятным “машинальным врагом” <...> смотрится в глубинном религиозно-философском пласте произведения как своего рода Страшный суд (катастрофический конец) не только устроенному там коммунизму, но — в пророческой

перспективе — и всему роду людскому, если он не сумеет стать творческим соработником Бога во Всеобщем деле преобразования падшего смертного порядка бытия в бессмертный и обоженный» [7, с. 43].

Но что именно уничтожалось в Чевенгуре в нашем представлении? Что означает сообщество «второго Чевенгура», которое создается после приезда в город Дванова (в отличие от «первого Чевенгура», относящегося к периоду военного коммунизма и характеризующегося двоевластием Чепурного и Прокофия, при котором вся «буржуазия» города убита или изгнана; см. подробнее [8, с. 7–9]), в более абстрактном понимании? Следует рассмотреть два аспекта, первый из которых частично относится к историческому контексту, а второй — исключительно к сфере философии и морали. Речь пойдет не о возможном влиянии на Платонова, а, скорее, о сравнениях, которые служат лучшему пониманию романа.

а) Между Достоевским и Лениным: «Второй (двановский) Чевенгур» как социальное объединение религиозной общины и бесклассового общества

После того как рассказчик во «Сне смешного человека» Ф. Достоевского из «Дневника Писателя» (1877) покинул идеальное человеческое сообщество, которое он увидел во сне как «истину», он заново пережил историю человечества: «Тогда у них явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности… изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину» [14, с. 330]. После этого он приходит к выводу: «“Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья” — вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас всё устроится» [14, с. 334].

«Второй Чевенгур» некоторыми чертами напоминает ту идеальную жизнь, которая приснилась «смешному человеку». Он описывает ее как «живое и беспрерывное единение с Целым миром» [14, с. 327], в котором нет ни храмов, ни государственных учреждений: «…всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая» [14, с. 328].

«Второй Чевенгур» также представляет собой сообщество, которое регулируется и контролируется не законами, а, скорее, началом, которое

можно определить как «любовь» и которое связано с общей идеей, которую можно назвать «коммунизм». Но, в отличие от идеального мира Достоевского, это сообщество обходится без религиозных представлений, без метафизики, без веры в загробную жизнь, которые у Достоевского являются гарантией нравственности, и не пытается противостоять разуму, сознанию и науке. Напротив, оно ориентировано на прогресс, о чем свидетельствуют его ирригационные мероприятия и строительство солнечных батарей.

Марксизм-ленинизм был продуктом европейского Просвещения с его идеями эмансипации личности, равных прав и равных возможностей и, если не считать некоторых ранних анархистских установок, предполагал установление сильного государства, которое, среди прочего, имеет монополию на насилие. Законным средством создания такого государства становится политический террор. В «первом Чевенгуре» такое — пролетарское — государство пытаются установить декретом, т. е. сверху и силой, но после того, как в город приезжают Яков Титыч, Копенкин, Гопнер и особенно Саша Дванов, возникает «второй Чевенгур», который уже не борется с идеологическим противником. Вот как Дванов отвечает на вопрос Копенкина: «— Саш, когда ж у Прошки горе будет, чтоб он остановился среди места и заплакал? Дванов посмотрел на Копенкина своими глазами, посветлевшими от усталости и любопытства. — А разве ты не уберег бы его тогда от горя? Ведь его никто не привлекал к себе, и он позабыл нуждаться в людях и стал собирать имущество вместо товарищей» [17, с. 335–336].

На смену ликвидации идеологического противника теперь приходят сострадание и понимание. «Второй Чевенгур» — это товарищество, способное интегрировать самые разные характеры — от пахаря Копенкина до чекиста Пиюси и от агента «центра» Сербинова до прочих и женщин и включающее в себя такие более ранние формы жизни, как разделение труда, механизацию, искусство, оборону, семейные отношения, приватность, но на новых, абсолютно свободных от принуждения и иерархии, условиях. Каждый здесь действует исходя исключительно из своих собственных побуждений, неся в себе объединяющую идею, как религиозный огонь; здесь никого ни к чему не принуждают, здесь никого ничему не учат. Кажется, что здесь достаточно следовать примеру «товарищей», чтобы, как предполагает Сербинов, быть принятым в эту жизнь, и даже Прокофий не остается в стороне от этого нового типа отношений. Невозможно сказать, кто и как создал

это новое сообщество. Дванов здесь не лидер даже в духовном смысле; он, если обратиться к рассказу «Тютень, Витютень и Протегален» (1922), гораздо скромнее Христа и как будто усвоил слова Витютня: «...малые мира возьмут себе мир. Самый малый, самый гонимый, никому не ведомый, молчащий, нерожденный, тот, для кого и песчинка — бог, — тот истинный царь земли и всех звезд... Был Христос, ему и сейчас еще молятся ваши отцы, он говорил: “Блаженны нищие духом”. Но и он не понимал всего и не хотел умирать, когда умирают без слова вечером мошки, а каждая из них блаженней Христа, потому что беднее его духом» [15, с. 220].

Дванов скорее служит катализатором, который лишь усиливает существующие в городе тенденции. Но в этой функции он не одинок. Чепурный стыдится своего главенства еще до того, как Дванов прибывает в город, Луй видит в коммунизме вечное странствие, Гопнер — измеримое явление, и все эти взгляды соединяются в Чевенгуре в единое целое. Поэтому не ленинская диктатура пролетариата, не «живое и беспрерывное единение с Целым миром» Достоевского, а и то и другое одновременно служат источниками чевенгурского коммунизма. Этот «коммунизм», который благодаря внутреннему огню своих представителей делает излишним институциональное принуждение, оказывается «сектой», основанной на гуманистических, просветительских, левогегельянских идеях.

б) Категорический императив Канта без императива

Когда Прокофий, желая прикарманить все имущество города, предлагает своему сводному брату А. Дванову отдать это имущество в рассрочку людям, чтобы гарантировать долгое счастье народу и прочную власть себе, Дванов, которому эти идеи совершенно чужды, размышляет: «Дванов еще не знал, насколько это верно, но он хотел полностью почувствовать желания Прокофия, вообразить себя его телом и его жизнью, чтобы самому увидеть, почему по его будет верно» [17, с. 277].

В «Категорическом императиве» из трактата «Критика практического разума» говорится: «...поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Подобная формулировка встречается в «Основах метафизики нравственности»: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — только как к средству» [19, т. 4, с. 429].

Поведение Дванова очень близко к этому императиву: это показывает, например, его встречный вопрос на просьбу Копенкина наказать Прокофия «— А разве ты не уберег бы его тогда от горя?» [17, с. 336] — или его готовность сопереживать Прокофию «телом и жизнью» [17, с. 277].

Императив Канта предполагает способность к состраданию. По Канту, сострадание есть «эффект воображения, которое ставит себя на место страдающего» [19, т. 6, с. 320] («Метафизика нравственности») и выражается как «чувство соучастия» [19, т. 6, с. 456]. Кант приписывает способности сопереживать другим важную роль в исправлении ошибок и эгоцентризма. Конечно, подход Дванова обнаруживает и отличия от «этического закона» Канта. Ф. Шиллер высмеивал моральную философию «кенигсбергца»: «Я охотно помогаю своим друзьям, но, к сожалению, делаю это по расположению, и поэтому меня часто беспокоит, что я не добродетелен» [11, с. 299]. Ведь согласно категорическому императиву следует действовать не по желанию или из склонности, а из чувства долга. Только тогда поступок имеет «истинную нравственную ценность» [19, т. 4, с. 398] («Основы метафизики нравственности»).

А в Чевенгуре Дванова дело обстоит как раз наоборот: «доброе» дело совершается лишь в том случае, если оно совершается из склонности. Ведь, например, Карчук выполняет просьбу Сербинова отнести письмо на почту только тогда, когда у него возникает симпатия к Сербинову. В этом смысле «добро» как этическое понятие фактически не существует. Этическое действие здесь — это не результат размышления, прозрения или принципа, оно не совершается из чувства долга, как этого требует Кант, и не становится следствием религиозного убеждения, которое, как это предполагает Достоевский в «Сне смешного человека», делает всех людей одинаково близкими друг к другу. В Чевенгуре этическое действие — это скорее результат индивидуального чувства, дружеского настроения, которое связывает двух конкретных людей. Выражаясь несколько провокационно, это чувство можно назвать этическим гедонизмом. Не случайно Платонов развивает эти представления под воздействием любви к Марии Кашинцевой, а Дванов испытывает силу своего «открытого сердца» под воздействием любви к Соне Мандровой и, сублимируя эту любовь на Чевенгуре, передает ее сообществу.

И все же разница между установкой Дванова и моральным законом Канта оказывается ничтожно малой. Хотя Шиллер и утверждает обратное,

действие из чувства «долга» у Канта не противоречит действию по склонности: «Наоборот, Кант решительно отвергает соединение нравственности и “рабского настроения” (“Религия в пределах границ разума”, [19, т. 6, с. 24]): Тот, кто понимает нравственные поступки как “просто принудительный труд” и исполняет свои нравственные обязанности без всякого “удовольствия”, не придает им никакой “внутренней ценности” (“Метафизика нравственности”», [19, т. 6, с. 484]). Для Канта «веселое сердце, исполняющее свой долг» есть «признак подлинности добродетельного нрава («Религия в пределах разума», [19, т. 6, с. 24])» [12, с. 830–832].

Разница между Кантом и Платоновым (Двановым) оказывается очень тонкой. Оба мыслителя словно подошли к одной и той же границе с разных сторон: Платонов исходит из склонности (которую он часто называет глаголом «думать») и приближается к этическому принципу Канта, не воспринимая его как «императив», а Кант исходит из «долга» перед «законом», но приходит к тому, что этот долг следует исполнять с «веселым сердцем».

Список литературы

Исследования

1 *Верин В.* «Я же работал совсем с другими чувствами...» // Литературная газета. 1988. 27 апреля. С. 4.

2 *Вьюгин В.* Андрей Платонов: поэтика загадки. СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.

3 *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья. Париж: YMCA Press, 1982. 405 с.

4 *Корниенко Н.* «Сказано русским языком...». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 533 с.

5 *Лангерак Т.* Андрей Платонов. Материалы для биографии. 1899–1929. Амстердам: Пегасус, 1995. 274 с.

6 *Осипенко М.* Инспекторы и ревизоры: о некоторых источниках творчества А.П. Платонова 1920-х гг. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 274–299. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-274-299

7 *Семенова С.* Религиозно-философский контекст и подтекст «Чевенгура». // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 34–44.

8 *Ходель Р.* Андрей Платонов: Родина и электричество. М.: Полимедиа, 2021. 208 с.

9 *Чандлер Р.* Сиротство: Саша Дванов и Назар Чагатаев // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 178–182.

10 *Яблоков Е.* На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб.: Петрополис, 2001. 376 с.

11 *Schiller F.* Gewissensskrupel // *Schiller F.* Sämtliche Werke. München: C. Hanser, 1962. Bd. 1. S. 299.

12 *Wehofsits A.* Mitgefühl in Kants Ethik. Die Kultivierung emotionaler Dispositionen // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2017. Bd. 65-5. S. 830–850.

Источники

13 Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция / отв. ред. Н.В. Корниенко. 672 с.

14 *Достоевский Ф.М.* Сон смешного человека // *Достоевский Ф.М.* Повести. Рассказы. М.: Правда, 1985. С. 313–334.

15 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 1: Рассказы, стихотворения. 644 с.

16 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 2: Статьи. 510 с.

17 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3: 1927–1929. Чевенгур. Роман / отв. ред. Н.В. Корниенко. 720 с.

18 *Платонов А.* «…я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 720 с.

19 *Kant I.* Schriften / Akademieausgabe. Bd. 1–24. Berlin, 1900 ff.

References

1 Verin, V. "Ia zhe rabotal sovsem s drugimi chuvstvami..." ["I Was Working with Completely Different Feelings..."]. *Literaturnaia gazeta*, 27 April, 1988, p. 4. (In Russ.)

2 V'iugin, V. *Andrei Platonov: poetika zagadki* [*Andrei Platonov: The Poetics of the Riddle*]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

3 Geller, M. *Andrei Platonov v poiskakh schast'ia* [*Andrei Platonov in Search of Happiness*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1982. 405 p. (In Russ.)

4 Kornienko, N. *"Skazano russkim iazykom...". Andrei Platonov i Mikhail Sholokhov: vstrechi v russkoi literature* [*"It Is Said in Russian...". Andrei Platonov and Mikhail Sholokhov: Meetings in Russian Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 533 p. (In Russ.)

5 Langerak, T. *Andrei Platonov. Materialy dlia biografii. 1899–1929* [*Andrei Platonov. Materials for the Biography. 1899–1929*]. Amsterdam, Pegasus Publ., 1995. 274 p. (In Russ.)

6 Osipenko, M. "Inspektory i revizory: o nekotorykh istochnikakh tvorchestva A.P. Platonova 1920-kh gg." ["Inspectors and Auditors: Some Sources of Andrey Platonov's Work of the 1920s"]. *Studia litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 274–299. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-274-299 (In Russ.)

7 Semenova, S. "Religiozno-filosofskii kontekst i podtekst 'Chevengura'." ["The Religious and Philosophical Context and the Subtext of 'Chevengur'."] *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 34–44. (In Russ.)

8 Khodel', R. *Andrei Platonov: Rodina i elektrichestvo* [*Andrey Platonov: Homeland and Electricity*]. Moscow, Polimedia Publ., 2021. 208 p. (In Russ.)

9 Chandler, R. "Sirotstvo: Sasha Dvanov i Nazar Chagataev" ["Orphanhood: Sasha Dvanov and Nazar Chagatayev"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov' "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 178–182. (In Russ.)

10 Iablokov, E. *Na beregu neba (Roman Andreia Platonova "Chevengur")* [*On the Shore of the Sky (Andrei Platonov's Novel "Chevengur")*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)

11 Schiller, Friedrich. "Gewissensskrupel" ["Scruples of Consciense"]. Schiller, Friedrich. *Sämtliche Werke*, Bd. 1. München, C. Hanser, 1962. S. 299. (In German)

12 Wehofsits, Anna. "Mitgefühl in Kants Ethik. Die Kultivierung emotionaler Dispositionen." *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, Bd. 65-5, 2017. S. 830–850. (In German)